

Люди русской науки: материалы к биографиям

Э. П. КАРПЕЕВ

«СЕ ЧЕЛОВЕК...»

(заметки к психологическому портрету М. В. Ломоносова)

В одном из докладов на XIII Международном конгрессе по истории науки чешский ученый Ф. Герек очень верно заметил, что интерпретация жизненного пути ученого оказывается весьма поверхностной, если этот путь не рассматривается на фоне его психологических особенностей. Именно такой поверхностностью страдали все до сих пор написанные биографии М. В. Ломоносова, поскольку реконструкция его психологических особенностей казалась биографам практически нерешаемой задачей, так как для этого просто не хватало материала. Ведь Ломоносов не вел дневников, не оставил воспоминаний, почти не писал писем семейного интимного характера (не исключено, что они просто не сохранились), к тому же в распоряжении потомков не было даже воспоминаний его друзей или, тем более, наперсников.

К 1911 г. усилиями ряда энтузиастов удалось собрать почти все, что было написано Ломоносовым. И оказалось, что о продуктах его деятельности известно неизмеримо больше, чем о процессе творчества. Но ведь и результаты творческой деятельности всегда в известной мере говорят об их творце, а сами не могут быть полностью поняты без изучения биографии их создателя, особенностей его психологии. Вместе с тем свойства личности первого русского ученого-естествоиспытателя столь много значат в истории отечественной культуры, что их понимание, хотя бы и неполное, не может не быть для нее существенно важным. Первым, кто попытался хоть что-то сказать о психологических особенностях Ломоносова, был Я. Штелин, который записал:

Характер Ломоносова: Физический. Отличался крепостью и почти атлетическою силою: например, трех напавших на него матросов одолел и снял с них платье. Образ жизни общий плебеям. Умственный. Исполнен страстью к науке: стремление к открытиям. Нравственный. Мужиковат... (1, с. 26)

В XIX в. К. Н. Батюшков написал статью «О характере Ломоносова», которая, как и ряд последовавших за ней [2], носила восторженно-романтический характер и ничего не добавляла к пониманию личности Ломоносова. Более удачным был очерк Н. Р. Политура «Михаил Васильевич Ломоносов и жизнь XVIII века» [3], но он сосредоточил внимание на воздействии, которое оказывала среда того времени на формирование его личности. Однако и в этом вопросе автор многое оставил непроясненным. В результате, как

Памятник М. В. Ломоносову в г. Ораниенбауме работы Г. Д. Гликмана. 1955 г., бронза

это свойственно общественному сознанию, непонятное восполнялось мифами и легендами, ибо они так легко смешиваются с реальностью, что выглядят иной раз куда более логичными, чем сама реальность. Приведем в качестве примера одну из наиболее устойчивых легенд о Ломоносове. Обыденному сознанию трудно понять, как мог крестьянский сын с далекой окраины Российской Империи достичь таких высот в науке, стать великим человеком, память и слава о котором на несколько веков пережили его самого. Самый простой ответ заключался в том, что он был сыном царя Петра. Ныне какой-то дальний потомок односельчанина Ломоносова посвятил этому целую главу своей книги, выстроив исторические события того времени согласно тому, как якобы «утверждали в его роде» и как было записано в одной тетради, которая, конечно, оказалась утерянной. Вся эта писанина больше похожа на патологию, но вот, поди же, живет и передается из уст в уста не один десяток лет.

Нам представляется, что многое в жизни Ломоносова и в характере его творчества стало бы более понятным, если бы удалось побольше узнать о его психологических особенностях. Такая попытка предпринимается в настоящей статье, причем мы надеемся, что это только начало, и у других исследователей она окажется более полной и успешной.

Не нужно доказывать, что основные черты характера человека формируются в его детстве под влиянием внешних обстоятельств, накладывающихся на прирожденные темперамент и задатки. Все, что нам известно о детстве Ломоносова, позволяет предположить, что это был очень живой мальчик, единственный, а потому и любимый сын Василия Дорофеевича и его жены Елены Ивановны Ломоносовых. С рождения он обладал любознательностью и способностью быстро усваивать все новое, а жизнь в спокойной и зажиточной семье способствовала развитию этих качеств. Однако в 9 лет он остается сиротой. В 1720 г. умерла его мать, а переселившийся в собственный дом отец вынужден был брать сына в плаванья в Белое и Баренцево моря, Северный Ледовитый океан. Плавая, Михаил знакомился с промыслом морского зверя, видел и запоминал разные метеорологические явления, познавал жизнь различных племен... Во время поездок с отцом бывал в Архангельске и жил там у родственников. Конечно, все эти впечатления были совсем иными, чем, скажем, у любого крестьянского сына помещичьего крепостного центральных губерний России. Юноша узнал, что мир велик и разнообразен, что существуют другие народы, отличающиеся одеждой, языком, обычаями, что, наконец, есть природные явления, поражающие своими опасностями и грандиозностью. Но ведь и другие дети куростровских крестьян плавали со своими родителями, и никто из них не стал великим? Очевидно, на это есть только такой ответ: все дело в природных задатках Ломоносова. Неизмеримо труднее сказать, почему они проявились именно в нем.

Один французский мыслитель сказал однажды, что если число дворцов и хижин относится как один к десяти тысячам, то более вероятно, что природа скорее создаст гения в хижине, чем во дворце. А появление способного ребенка чаще всего — дело случая. Такая удача выпала на долю Ломоно-

сова, однако потребовалось еще много других условий, чтобы он реализовал свои выдающиеся способности. Нет сомнения в том, что рождались и другие способные и талантливые дети, но... либо не вовремя, либо условия их жизни задавили талант на корню.

Г. В. Плеханов заметил, что Ломоносову очень повезло: он не носил крепостного ошейника. Будучи сыном черносошного (т. е. государственного) крестьянина, он оставался внутренне свободным человеком, способным принимать достаточно самостоятельные решения. Петровское время, в которое формировался характер нашего героя, заражало его грандиозностью перемен, открывающейся возможностью изменить свою судьбу, но это ничего бы не значило, — не появившись у его отца нужды в грамотном помощнике. Российской грамоте мальчика обучил дьячок местной дмитриевской церкви С. Н. Сабельников.

В 1724 г. Василий Дорофеевич женился в третий раз, и не исключено, что именно это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе Ломоносова. К этому времени у него нарушились отношения со сверстниками. Хорошо и быстро обучившись грамоте, он стал часто и с охотой читать «на клиросе и за амвоном», что не понравилось тем, кто начинал с ним вместе учиться и сильно отстал, а Ломоносов как бы «стыдил их превосходством своим». За это они били способного мальчика. Страсть к чтению сыграла ему плохую службу и дома. Мачеха никак не могла взять в толк, почему ее пасынок не помогает по хозяйству, а прячется, чтобы неизвестно зачем и для чего читать свои книги. Таким образом, у юного Ломоносова сложилась тяжелейшая ситуация: не понят дома, не принят сверстниками. Многие часы проводил он в одиночестве, терпя «стужу и голод», предаваясь чтению и размышлениям. Вероятно, именно тогда у Ломоносова появились некоторая замкнутость, нежелание допускать кого-либо в свой внутренний мир, которые, как мы увидим, и сделали его на всю жизнь душевно одиноким человеком. Можно предположить, что тогда же выработались две доминантные, преобладающие черты его характера — душевное беспокойство, некоторое внутреннее напряжение, стремление изменить свою судьбу, и другое — возбужденность ума, которому постоянно требовалась новая «пища». Человек с таким характером явно не вписывался в ту среду, в которой судьба предназначала ему жить, и Ломоносов приблизительно в это время делает первую сознательную попытку избежать такого предназначения: он прибегает к раскольникам беспоповского толка. Позволим себе высказать по этому поводу такое предположение: юному Ломоносову уже в то время что-то сильно не нравилось в поведении местного духовенства. Отрицательное отношение к российскому духовенству проявлялось у него в течение всей жизни, а незадолго до смерти он выразил его, записав, что «при всякой пирушке по городам и по деревням попы — первые пьяницы. И не довольствуясь тем, что с обеда по кабакам ходят, а иногда до крови дерутся», да еще «попы столько грамоте знают, сколько ... мужичий батрак или коровница умеет» [4, с. 408].

Два года провел Ломоносов с раскольниками, и все это время душевное беспокойство не оставляло его, да и пищи уму было совсем немного. По

*Бегство Ломоносова из дома отца своего.
Карандашный набросок А. А. Козлова, середина XIX в. ГМИИ им. А. С. Пушкина*

всей вероятности, он ощутил, что жизнь среди раскольников сулит ему скрытое существование в интеллектуально косной и бесперспективной, в смысле жизненного успеха, среде, и вернулся в лоно официальной церкви.

Характер Ломоносова в основных своих чертах сформировался к 15–17 годам. К тем чертам, о которых уже говорилось, добавились решительность, способность ставить перед собой выработанную длительными размышлениями цель и добиваться ее достижения, а душевное одиночество позволяло найти в себе силы порвать семейные узы, которые были столь крепкими на Поморском Севере. Последним толчком к этому разрыву было желание отца женить его на дочери «неподлого человека» из Колы, а цель была одна — учиться. Причем, это желание было столь сильным, что, придя с рыбным обозом в Москву, Ломоносов кинулся в первое попавшееся учебное заведение — в Навигацкую школу, что помещалась в Сухаревой башне. Однако вскоре выяснилось, что можно скрыть свою принадлежность к податному сословию и поступить в Славяно-греко-латинскую академию. Посмотрим, что добавило к его личности это учебное заведение.

Прежде всего, здесь выявилась еще одна из доминантных черт его характера, а именно — способность увлекаться всеми новыми для него знаниями и интересами. Так, вначале Ломоносов настолько увлекся новыми для него предметами, что сумел в течение года закончить три первых класса академии — фару, инфиму и грамматику. Надо сказать, что и здесь продолжалось его одиночество: в первых классах учились дети 8–12 лет, а ему шел двадцатый год, и, естественно, ничего общего с ними у него не могло быть.

*Ломоносов в Славяно-греко-латинской академии.
Литография Р. К. Жуковского (1851)*

Не было, да по тем временам и не могло быть, сколь-нибудь близких отношений с преподавателями, и ни один источник не упоминает о других дружеских связях. Ломоносов все время посвящал учебе, чтению книг в библиотеке академии и тех, которые мог достать за ее стенами. Жить ему приходилось в углах, с дворовыми людьми, с которыми тоже не могло быть общих интересов, кроме, пожалуй, исподволь приобретенной под их влиянием склонности к «зеленому змию».

Постепенно интерес к учебе в академии у Ломоносова стал угасать. При его пытливом уме трудно было смириться с господствовавшими в ней ветхозаветными идеалами обучения, с желанием подавить в учащемся всякий проблеск свободной мысли, и он сделал попытку перейти в другое учебное заведение. И хотя нет никаких прямых свидетельств, все-таки похоже на правду утверждение, что он отпросился в Киево-Могилянскую академию, но пробыл там недолго, не найдя для себя ничего принципиально отличного от Московской академии. Свойственное Ломоносову душевное напряжение проявилось в это время в другом эпизоде. Прибывший в июне 1734 г. обер-секретарь Сената И. К. Кирилов стал подыскивать в организованную им так называемую Оренбургскую экспедицию ученого священника. Об этом узнал Ломоносов, пресытившийся к этому времени академической схоластикой, и, опять скрыв свою принадлежность к податному сословию, попросился поставить его в священники, чтобы он мог принять участие в этой экспедиции. Не исключено, что на этот шаг его толкнула, с одной стороны, жажда новых впечатлений, а с другой — стремление выбиться из податного сословия, повысить свой социальный статус. Но на этот раз «ставленнический стол» академии решил проверить будущего священника, и Ломоносову пришлось повиниться в обмане. Дело было замято, и в июле 1735 г. он был зачислен в предпоследний класс академии. Однако Ломоносов продолжал испытывать мучительное беспокойство, и неизвестно, куда бы оно его завело, но судьба снова оказалась к нему благосклонной. По сенатскому указу он в числе других двенадцати лучших учащихся Славяно-греко-латинской академии был отправлен на учебу в Академический университет в Петербург, а полгода спустя с Д. Виноградовым и Г. У. Райзером — в Марбургский университет в Германии. Это было буквально спасением для жаждущего новых знаний Ломоносова, его пытливый ум там снова находит богатую пищу. Он учится с увлечением, познавая совершенно новые для него естественные науки, знакомясь с немецкой поэзией, изучая языки. Именно здесь формируется та поразительная широта взглядов и устремлений Ломоносова, которая стала основой его энциклопедизма. Воспитанный русской культурой, он обладал гуманитарным складом ума, а полученные в Марбурге естественно-научные знания воспитывали в нем рационализм, свойственный культуре Запада.

Для формирования личности Ломоносова очень важным оказался также пример его профессора Хр. Вольфа, который, во-первых, подобно ему, вышел из социальных низов и добился всеевропейской известности только благодаря своим научным заслугам, а во-вторых, постоянно стремился к

пропаганде науки и, невзирая на гонения, боролся за ее право на существование, отстаивал свободу мысли. Этот пример Ломоносов настолько глубоко усвоил, что сделал как бы составной частью своей собственной личности.

В Германии Ломоносов оставался таким же одиноким, как и в России, и даже любовная связь с шестнадцатилетней дочерью его квартирной хозяйки Елизаветой Христиной Цильх не изменила этого положения. Как выяснилось позднее, оказалась неудачной и его попытка сблизиться с Д. Виноградовым, с которым он особенно тесно стал общаться во Фрейберге, куда наших студентов перевели после окончания курса в Марбургском университете. Здесь они должны были обучаться горному делу у И. Ф. Генкеля, к которому стекались студенты со всей Германии. Поначалу Ломоносов с увлечением стал изучать новое для него дело, но, получив в Марбурге вкус к фундаментальным наукам, со временем стал тяготиться приземленностью сведений, сообщаемых Генкелем. По-видимому, в это же время у него возникает некоторая пресыщенность жизнью в чужой стране и его стало все больше тянуть назад в Россию. Вероятно, тогда же у Ломоносова осознанно проявляется тот патриотизм, который станет впоследствии одной из определяющих черт его личности, а также возникает стремление как-то уравновесить новую для него естественно-научную рациональность. Во Фрейберге Ломоносов создает свою собственную теорию русского стихосложения и полную патриотического воодушевления «Оду на взятие Хотина».

Со временем у Ломоносова накапливается сильнейшее внутреннее напряжение. Генкель, следуя указаниям Петербургской академии наук, резко сократил расходы на содержание русских студентов и оповестил всех в городе, чтобы им ничего не давали в долг. Это сильнейшим образом унижало Ломоносова, тем более, что в Марбурге у него родилась дочь, а он не мог оказать Елизавете Христине никакой материальной помощи. Все вместе взятое — недовольство учебой у Генкеля, уязвленная гордость, тоска по родине — вызвали у него припадок неудержимого бешенства, и он самовольно ушел из Фрейберга с единственным желанием вернуться в Россию. Однако попытка встретиться с российским консулом оказалась неудачной, и Ломоносову ничего не оставалось делать, как возвратиться в единственный дом в Германии, где его ждали — в дом вдовы Цильх. Правда, на этот раз мать Елизаветы согласилась принять его при условии, что он оформит брак с ее дочерью. Положение было безвыходным, и 6 июня 1740 г. Ломоносов обвенчался с ней в церкви реформатской общины Марбурга. Но, похоже, он не считал венчание настоящей женитьбой и надеялся, что этот эпизод останется для него без последствий. Главным для Ломоносова в это время было желание поскорее уехать в Петербург. Он чувствовал свои интеллектуальные возможности, у него были серьезные научные планы, которые он мог воплотить только у себя на родине. Может быть, поэтому однажды ночью, тайно от жены он ушел из дома, чтобы сделать еще одну попытку вернуться в Петербург. Она снова оказалась неудачной, и Ломоносов был вынужден возвратиться в Марбург.

Можно только удивляться терпеливому и покладистому характеру членов семьи Цильх, которые снова приняли Ломоносова и поддерживали его

материально до тех пор, пока он, списавшись с Петербургской академией наук, не получил денег на проезд и разрешения выехать в Россию. Уезжая, Ломоносов строжайшим образом запретил жене посылать ему письма, пока он «не даст знать о будущем своем состоянии и о месте своего пребывания». И это при том, что оставлял ее с годовалой дочерью и беременной вторым ребенком. Он всеми помыслами был в России, где ему предстояло держать ответ за самовольный уход от Генкеля и за новые долги, которые он наделал за время последнего пребывания в Марбурге. Ему вовсе не хотелось отягощать свою вину еще и признанием в женитьбе на представительнице неправославной конфессии, на что, вообще говоря, не очень одобрительно смотрела официальная русская церковь.

Не с легким сердцем 8 июня 1741 г. явился Ломоносов к всесильному тогда правителю Академической канцелярии И. Д. Шумахеру, но по целому ряду причин тот не захотел портить отношения с многообещающим русским студентом, и Ломоносову снова все сошло с рук. Началась его почти четвертьвековая служба в Императорской Академии наук, его служение отечественной науке и культуре. И хотя Ломоносову в это время шел уже 31-й год, ему все-таки пришлось приобретать новый опыт. Приехав из Германии в Петербург, он попал в среду, которую совсем не знал, и еще не научился в ней ориентироваться. Результат не замедлил сказаться: Ломоносов написал две оды, посвященные младенцу-императору Ивану Антоновичу, которые, как и все, что относилось к предыдущему царствованию, были уничтожены сразу же после неожиданного для него дворцового переворота — 25 ноября 1741 г. Попавший впросак, Ломоносов понял, что ему необходим высокий покровитель, близкий ко двору и способный защитить его в нужных случаях. Этот урок он хорошо усвоил, и в начале 1744 г. попытался заполучить в покровители наследника престола великого князя Петра Федоровича. Он спешно написал и послал в Москву, где тогда находился двор, подносной экземпляр «Краткого руководства к риторике» с Посвящением наследнику престола. Поняв, что попытка оказалась неудачной, Ломоносов в Посвящении к первой своей книге «Вольфианской экспериментальной физике» обратился теперь уже к вице-канцлеру, графу М. И. Воронцову, с просьбой удостоить его высокого покровительства. Затем у него появился другой, не менее влиятельный покровитель И. И. Шувалов, а когда двумя десятилетиями позже случился еще один переворот и прежние покровители были отправлены «поправлять здоровье», Ломоносов обратился за покровительством снова к фавориту — графу Г. Г. Орлову, но теперь уже новой государыни — Екатерины II. Ломоносов достаточно умело пользовался своими покровителями: благодаря Воронцову он издал свою первую книгу, минуя Академию наук, а благодаря Шувалову, например, оказался единственным из академиков Императорской Академии наук, который имел целых два прижизненных собрания сочинений, увидевших свет в 1751 и 1757 гг.

Понадобился, правда, еще один урок, чтобы Ломоносов понял, в какой обстановке ему предстоит отстаивать свое право на занятия наукой и научиться ориентироваться в ней. После восшествия на престол дочери Петра

Великого Елизаветы настроения в русском обществе не прошли мимо Академии наук, где самоуправство Шумахера на фоне преобладания иноземцев в штате Академии вызвало естественное недовольство в академических низах, состоящих в основном из русских. На Шумахера была подана жалоба, расследованием по которой стала заниматься специальная комиссия. Ломоносов, относившийся вначале к Шумахеру с благодарностью, за то что он простил его проступки в Германии, был захвачен общим настроением и, разогретый винными парами, позволил себе несколько выходок, за которые и за неуважение к комиссии был посажен под домашний арест. Вероятно, нет смысла подробно останавливаться на всех этих эпизодах; для нас существенно, что за время, проведенное в вынужденной изоляции (весьма относительной, впрочем), и при сильнейшем безденежье Ломоносов наконец-то приступил к серьезным научным занятиям. К этому времени его разыскала жена, и Ломоносову пришлось послать ей деньги на переезд. Вскоре он зажил семейным домом с женой и дочерью, забота о которых легла на его плечи. Наступила пора зрелости, нужно было переходить к нормальной жизни, и он, прочитав в Академическом собрании предписанную ему форму извинения, смог начать работу в Академии.

К моменту освобождения из-под ареста Ломоносову шел 32-й год, — прожита большая половина жизни. Это был вполне сложившийся человек, получивший европейское образование, владевший несколькими языками, у которого созрели планы научной работы. Свойственное Ломоносову душевное беспокойство, соединенное с возбужденностью ума, и уже накопленный жизненный опыт выработали в нем некую амбивалентность. Отецественная закваска сочеталась с немецкой культурой; от русских корней шла его любовь к родному языку, к поэзии и истории, от Германии — образованность, способ научного мышления. Проведенные в России детство и юность, обучение в духовной академии сделали Ломоносова верующим, истинно православным человеком, приверженцем монархического строя. В письмах и документах он цитировал Св. Писание, которое хорошо знал. Об искренности его религиозных чувств свидетельствуют выполненные им переводы псалмов, которые, по авторитетному мнению А. С. Пушкина, «остались в достоянии России» высокой песнью Богу, песнью, «которой нет равных ни на одном языке Вселенной». С другой стороны, проучившийся достаточно долго в германском университете Ломоносов овладел большим объемом современных ему естественно-научных знаний, основанных на рационализме. Рационализмом была пропитана протестантская вера, среди приверженцев которой он пять лет прожил в Германии и общался позже в Академии наук. Вероятно, поэтому в естественных науках Ломоносов был последовательным рационалистом и «республиканцем» — представителем «республики ученых». И даже православие Ломоносова, как и у обожествляемого им Петра Великого, неожиданным образом сочеталось с проявлениями рационализма в его отношении к некоторым догмам православной обрядности. Так, например, в «письме» «О сохранении и размножении российского народа» он, основываясь на вполне рациональ-

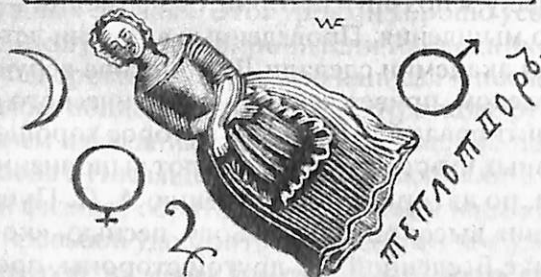
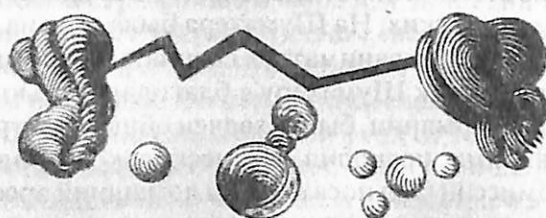

Иллюстрация к книге Г. Шторма «Труды и дни Михаила Ломоносова». Гравюра на дереве В. А. Фаворского (1934)

Поразительно, но факт: две стороны натуры Ломоносова не вступали между собой в противоречие и находились в каком-то естественном сочетании. У него не было «двух душ в одной груди», он был чрезвычайно цельным человеком и никогда не копался в своей душе. Основанием такой цельности служила усвоенная им в Германии так называемая «теория двух книг». В изложении Ломоносова она выглядит следующим образом: «Со-

ных доводах, предложил перенести Великий пост с весны на осень, разрешить священникам жениться во второй раз и многое другое.

«Русская составляющая» Ломоносова питала его душевное беспокойство и свойственный ему пламенный патриотизм, веру в «сияющую будущность» России (Н. В. Гоголь). Он буквально кидался на борьбу с «неприятелями наук российских»; а все, кто, по его мнению, сопротивлялся или мешал распространению образования в стране, становились его личными врагами. Ломоносов не терпел никаких упреков в адрес отечественных исторических деятелей и тем более в адрес своего народа, даже если это противоречило истине.

здатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой — свою волю». К первой книге относится «видимый сей мир», который должны изучать ученые-естествоиспытатели, а вторую — «Священное Писание» — учителя богословия. Ломоносов, занимаясь изучением природных явлений, считал, что он тем самым «открывает храм Божеской силы и великолепия» и помогает человечеству улучшить условия своей жизни.

Чего Ломоносов не приобрел, так это — внешнего лоска. Чувствуя свою «мужиковатость», он даже и не стремился стать своим человеком в придворных кругах, хотя это вполне удалось его постоянному антагонисту Г. Н. Теплову. Наверное, и по этой причине дворцовые перевороты, которыми был так богат XVIII век, были для него неожиданными. Занятый совершенно иными делами и интересами, он, естественно, не принимал в них участия и, понятно, не получал от победившей стороны никаких наград и пожалований, которые как из рога изобилия сыпались на их участников. Эти незаслуженные возвышения обижали и оскорбляли Ломоносова, уверенного, что награждать нужно по истинным заслугам.

Душевное одиночество, неспособность легко заводить даже приятельские связи, не говоря уже о дружеских, в сочетании с присущей многим крупным во всех отношениях людям душевной ранимостью делали Ломоносова излишне мнительным, а бойцовский характер заставлял его открыто и страстно выступать против тех, кого он, заслуженно или нет, причислял к своим недоброхотам.

На поведении Ломоносова сильнейшим образом отражалась его бывшая принадлежность к нижнему социальному слою России. Как уже отмечалось, он, с одной стороны, всячески стремился повысить свой социальный статус, а с другой — даже гордился своим происхождением, подчеркивая, что всеми своими достижениями в жизни и науке он обязан лишь самому себе, своей настойчивости и упорству. Такой гордостью, казалось, он как бы компенсировал свое «низкое» происхождение. Не нужно говорить, что все это также не способствовало его душевному сближению с кем-либо из академического окружения. Документы сохранили лишь одно его приглашение на чашку чая, адресованное Я. Штелину, к которому, по правде сказать, Ломоносов не всегда испытывал дружеские чувства. Значительно более близкими были его отношения с Г. В. Рихманом и И. А. Брауном, но, можно смело утверждать, и они не носили характера сердечной дружбы, Ломоносов не делился с ними своими интимными переживаниями. От душевного одиночества не спасала и семья, хотя лучше всего он чувствовал себя дома. На первом месте у Ломоносова была жизнь в науке, причем, похоже, он сознательно формировал такое отношение к семье и женщинам. Не зря позднее он приписал герою трагедии «Тамира и Селим» следующие слова, которые, по мнению исследователей его творчества, носят биографический характер:

**Напасти презирать, без страху ждать кончины,
Иметь недвижим дух и бегать от любви.** (курсив мой. — Э. К.)
**Я больше как рабов имел себя во власти
Мой нрав был завсегда уму поработен,
Преодолены я имел под игом страсти
И мраку их не знал, наукой просвещен...**

В письмах и документах Ломоносова почти нет упоминаний о смерти старшей дочери, о замужестве младшей и о других событиях его семейной жизни. Можно быть уверенным, что это свидетельствует вовсе не о душевной черствости Ломоносова, а о нежелании впускать посторонних в свой интимный мир. Заметим, кстати, что ни один биограф Ломоносова не отмечает у него каких-либо внесемейных любовных связей.

В 1751 г. пожалованный Ломоносову чин коллежского советника давал право на потомственное дворянство, и он захотел подкрепить свой новый социальный статус экономической независимостью. Для этого Ломоносов, несмотря на все препятствия и возможные последствия, без разрешения академического начальства отправился в Москву, где тогда находился двор. Там ему удалось добиться от императрицы пожалования земель и крестьян для будущей фабрики цветного стекла. (Отметим, между прочим, что это пожалование было немалым: ему отводилось около 40 кв. км земель и 211 душ крестьян мужского пола.) Правда, в это время русское дворянство, по крайней мере его верхний слой, обуревают предпринимательская деятельность, ведь деньги нужны всем, даже такому вельможе, как граф П. И. Шувалов. У того-то был некоторый опыт предпринимательства, а Ломоносов приступил к делу, не имея о финансовой и торговой стороне практически никакого представления. В результате ему не помогли ни 30-летняя привилегия на монопольное производство цветного стекла в России, ни правительственное распоряжение учреждениям заказывать только на его фабрике мозаичные картины. Фабрика вместо ожидаемых доходов приносила одни убытки. Постоянные долги, сроки выплат которых подходили сколь неумолимо, столь и «неожиданно», не лучшим образом отражались на характере Ломоносова и его настроении. А когда в 1757–1758 гг. он взвалил на свои плечи громадный груз новых обязанностей в Академии (руководитель Географического департамента, советник Академической канцелярии, куратор всех учебных и научных академических учреждений), то о спокойной жизни нельзя было и мечтать. Впрочем, спокойной его жизнь не была никогда, и он сам однажды написал: «Мой покой дух не знает».

Еще в студенческие времена Ломоносова влекли к себе грандиозные задачи, захватывающие целиком его ум и душу. Познакомившись с научным методом Р. Декарта и атомной гипотезой Р. Бойля, он захотел создать собственную «систему всей физики», которая дала бы возможность рационально объяснить все явления «видимого сего мира». С этой целью еще на студенческой скамье Ломоносов стал разрабатывать собственную атомно-молекулярную гипотезу, а когда в Петербурге он получил вынужденный отдых, то приступил к этой работе всерьез.

Анализ естественно-научных работ Ломоносова позволяет сделать вывод, что он по складу ума и характеру поведения принадлежал, согласно классификации В. Ф. Оствальда, к ученым-романтикам. Для них характерны: интерес ко многим разнородным предметам, разностороннее и усиленное чтение, которое порождает немедленное стремление к творчеству, подвижность ума, воодушевление, обладание избыточным запасом мыслей,

идей и планов; они оказывают влияние на свое время и многое другое. Ломоносов всегда стремился охватить всю проблему в целом, он как бы парил над нею, опуская частности. Воспитанная отечественной культурой сильнейшая гуманитарная составляющая Ломоносова определяла образность его мышления, а строгая логика сочеталась со слабым знанием математики. Поэтому его теории носили в основном качественный характер и не имели сколько-нибудь серьезного математического оформления.

Приподнятость духа, «парение» были свойственны и его поэтическим произведениям и, вероятно, поэтому основным жанром в творчестве Ломоносова стали оды. В них он как бы проносился над родной землей и замечал лишь то, что было видно с высоты (или что ему хотелось видеть). Естественно, что при таком подходе неизбежна некоторая поверхностность, также характерная для ученых-романтиков, которые, по Оствальду, как правило, имеют сангвинический или холерический темперамент. Представляется, что Ломоносов был холериком, и если у него не наблюдалось характерных для этого темперамента спадов научной активности, то «виной» тому была его способность увлекаться новыми темами. Может быть, именно поэтому некоторые его работы оставались неоконченными: были написаны лишь первые части «Риторики» и «Древней Российской истории», начаты и оставлены без завершения многие статьи по корпускулярной тематике и «Введение в истинную физическую химию». В тех случаях, когда ему казалось, что он может создать совершенно новую теорию, то его настойчивости можно было удивляться. Так, он с редкостным упорством в течение пяти лет по нескольку раз в день спускался в подвал своего дома на Мойке, чтобы записать показания изобретенного им отвеса (Ломоносов назвал его «центроскопическим маятником»), показания которого должны были экспериментально подтвердить созданную им теорию всемирного тяготения, основанную на действии некоей «тяготительной» материи.

Вместе с тем эти переходы от одного научного увлечения к другому, невероятная широта интересов, свойственные Ломоносову-ученому, несомненно, составляли еще одну основу его энциклопедизма. Ломоносов верил в силу науки, которая может не только рационально объяснить все явления «видимого сего мира», но и решить все проблемы, стоящие перед обществом: «науки сами все дела человеческие приводят на верх совершенства». Правда, к концу жизни у Ломоносова появляется некоторое разочарование в такой силе науки и он делает попытку в «письмах» к И. И. Шувалову предложить иные, не образовательные меры для «совершенствования» порядков в России. Известно, что успел он написать только одно — «О сохранении и размножении российского народа». (Любопытно, что нечто подобное произошло позднее со вторым русским ученым-энциклопедистом Д. И. Менделеевым, который, также разочаровавшись в социальных возможностях науки, написал «Заветные мысли», где предложил политическое решение социальных проблем.)

Ломоносов редко шутил, и, как писал А. С. Пушкин, «с ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где его все трепетали; во дворце, где

он дирал за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Вместе с тем Ломоносов был добродушен...», умел за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве еголюбимых идей. Послушайте, как пишет он самому Шувалову, который вздумал было над ним пошутить: «Я, Ваше превосходительство, не только у вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу».

На царствование Елизаветы Петровны пришелся самый плодотворный период деятельности Ломоносова. Ее смерть, последующие события, воцарение Екатерины II тяжело отразились на настроении и самочувствии ученого. В феврале 1762 г. Ломоносова постигла тяжкая болезнь, которая держала его дома до марта 1763 г. В это время высокие покровители Ломоносова были отправлены за границу «для поправления здоровья», и ему пришлось искать новых среди вельмож следующего царствования. Екатерина, поглощенная введением новых порядков, не сумела увидеть обиды в прощении Ломоносова об отставке и подписала его, впрочем, вскоре же отменив. Но Ломоносов уже узнал об этом указе и был потрясен. У него появилось чувство душевной усталости, он стал говорить о приближающейся смерти. Могучий дух Ломоносова долго сопротивлялся валившимся на него невзгодам, которые он попытался перебороть активной деятельностью. Ломоносов добивается покровительства императрицы предложенной им экспедиции по «отыскании северо-западного проходу» из Баренцева моря в Тихий океан. Он составляет текст секретного указа Екатерины II об организации экспедиции, занимается подбором офицеров и кормщиков, готовит штурманов, заседает в Адмиралтейств-коллегии. Императрица, узнав поближе и оценив Ломоносова, через 2 месяца после начала подготовки экспедиции, 15 декабря 1763 г. наконец-то жалует ему чин статского советника. Но ни активная деятельность по подготовке Северной экспедиции В. Я. Чичагова, ни взваленные им на свои плечи академические дела, ни даже визит к нему в дом самой императрицы Екатерины II уже не могли помочь Ломоносову. 4 февраля 1765 г. он снова слег в постель, а 4 апреля умер. Скорбели о нем не только те, кто знал его близко; на похороны стекался простой народ, чтобы проводить в последний путь первого русского ученого, выходца из народных низов, гениального русского человека, «составившего эпоху в анналах человеческого разума». Так началась посмертная слава Ломоносова.

Литература

1. М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.-Л., 1962.
2. Аничков И. Ломоносов // Труды Вольного общества любителей российской словесности. Ч. XVII. 1822. С. 271–289.
3. М. В. Ломоносов. Сб. статей / Ред. В. В. Сиповский. СПб., 1911.
4. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952.

Памятник М. В. Ломоносову в г. Архангельске работы И. П. Мартоса. 1828 г., бронза